

Цикл
Александра Плетнева
ПРОЕКТ «ОРЛАН»

Одинокий рейд
Курс на прорыв
Фактор умолчания
Цепкие лапы времени
Выражи эскалации

Александр Плетнев

**ВИРАЖИ
ЭСКАЛАЦИИ**

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
ПЗ8

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 218

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Плетнев, Александр Владимирович

ПЗ8 Проект «Орлан»: Вирази эскалации: роман / Александр Плетнев. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2022. — 480 с. — (Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-147948-0

Тяжелый атомный ракетный крейсер «Пётр Великий» проваливается из наших времён в недалёкое прошлое, в южную Атлантику и оказывается вблизи границы двухсотмильной зоны одной маленькой, но очень забавной войны. И волей-неволей ввязывается в драку.

Это событие полностью перевернуло известную нам историю, создав возможность сохранения Советского Союза. Но враг не дремлет, и разворачивается военная операция, которая затронет сразу несколько стран, сталкивая в стычке прямых и вечного-потенциальных противников «полей холодной войны». В смертельной схватке сойдутся боевые корабли, подводные лодки, морская авиация. А на острие атаки будет спецназ ГРУ.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-147948-0

© Александр Плетнев, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Проспекция¹ (охватывая и обобщая)...

Рассчитывая на будущее, мы предъявляем к нему претензии. И обижаемся, если оно не оправдывает наших надежд.

Очевидно, это такое свойство возраста — окружающую обыденность начинаешь ценить более чувственным пониманием... особенно в плане того, что касается приятных и даже неприятных явлений природы. Созерцанием.

Но в остальном — следствием жизненного опыта, когда голос разума, окончательно заразившись болезнью цивилизованности, демонстрирует мир таким, где выражать свои эмоциональные переживания давно уже было не в ходу, не в моде, а в моде был снисходительный цинизм. Ты... ты просто бравируешь — мол, тебя на мякине не проведёшь, и ты весь такой из себя продуманный, умудрённый, знающий... и всё у тебя схвачено и всё получается.

И это наряду-то с неожиданными приступами сентиментальности (возрастными?), которые на людях подавляешь уж тем более, а наедине не без труда.

¹ *Проспекция* — конструктивный приём, используемый для предуведомления читателя. В корпусе текста реализуется в оборотах типа: забегаая вперёд. В нашем случае применение данного термина в названии глав оправдано потребностью показать общие тенденции развития страны, наряду с непосредственно ретроспективным повествованием локальных событий 1985 года.

Что ж... безотносительно других интерпретаций корни этой выставяемой прозорливости и предприимчивости, конечно, лежат в биологической конкурентности... как перед «своими», так и, тем более, оглядываясь на оппонентов и противников.

Или вот пожалуйста — другой посыл: ты пофигист и идёшь по жизни легко, переступая через лужи... и людей. Хотя это больше удел юнцов, мажоров-бездельников или вовсе маргиналов.

— Какой-то неудачный, вылущенный психоанализ, — человек в кресле на миг прервал течение мыслей, сменил позу, усевшись поудобней.

Закурил... Рассуждения потекли вольно, вновь примерил их на себя...

Сентиментальность в его категории вообще противопоказана... ну, если только потом, перед хроникёром-журналистом. Если вообще до этого дойдёт.

А предательский пофигизм вылезает наружу от слабости, когда как бы ты ни бился, пытаясь претворить задуманное в деле «сохранить Союз в равновесии...», а всё одно — что та рыба об лёд.

Отсюда и это наше «эх, напиток и трин-трава не расти!»...

...Как будто похмельное утро будет мудреней пьяного вечера.

Впрочем, и «цинизм» и «пофигизм» — всё это фасад! Эдакий защитный панцирь — не пустить посторонних в помыслы, в душу.

На людях же надо показывать гранитную уверенность.

Это бравада!

Ничто так не поднимает жожака и правителя в глазах подчинённых и электората, как бравада.

Ему же... отвыкнуть смотреть на события с позиции капитана 1-го ранга, и вообще военного моряка, давалось нелегко.

Нелегко, и не желая того, всякий раз, внутренне сопротивляясь фигуральному ярлыку — «политик», презируя само слово и всё, что с ним связано.

Существовало и другое — за дверью персонального кабинета, в кресле за высокоранговым столом, уставленным десятком рабочих телефонов прямых линий с министерствами, проглядывалось другое крепкое и импонирующее слово — «хозяйственник».

Но и оно являлось лишь проформой, отражением куда как более серьёзного и окончательно значимого — «хозяйин».

Вот только чтобы соответствовать ему, надо по меньшей мере быть Сталиным. Подняться до этого уровня. Хотя и «вождь народов» был далеко не безупречен, совершив немало ошибок.

«Интересно, а Сталин, тот, что Иосиф Виссарионович... наверное, тоже бравировал, держа и лицо, и позу... в своём неизменном военном френче, со знаменитой и немного пижонской трубкой.

Уж, по крайней мере, и если верить всяким либералам-журналигам — „тиран“ до чёртиков был закомплексован страхами покушений и переворотов. А стало быть, так или иначе, был не уверен в себе».

Ему вдруг пришло в голову, что Советский Союз, люди этой страны, их жизнь, их ценности — всё, что его окружает, принимаются им только с позиции «просроченного долга». И не для этого поколения (хотя это поколение его родителей), а тех дедов, тех постаревших женщин, которые выиграла Большую войну и которые заново подняли страну из разрухи. Вот, наверное, ради них.

И почему-то снова и снова возвращаясь к повешенной на «плечики» морской форме, к призрачным (из

памяти) всплескам волн о серые борта́, — и бриз ерошит волосы, и звякнет склянкой, — мостик корабля вспоминался таким привычным, простым и потому тоскливо желаемым.

Может, именно поэтому, когда Скопин, капитан 2-го ранга, старпом и старый, ещё с детства дружок, запросился на действующий советский флот, он всячески этому посодействовал: заручился, настоял, пробил, как бы там авторитетно ни упирались товарищи из Особого отдела.

Упирались-то вполне обоснованно.

Проколы и утечки информации, как и всякие настырные происки иностранных агентов, без сомнения являлись болезненной темой для служб контрразведки. В том числе касаясь такого уязвимого звена, как личный состав крейсера-пришельца.

Меры, предпринимаемые КГБ в этом отношении, были не просто строжайшие — подход строился на опережении... и порой был по-настоящему творческим. Как один из тому примеров, который кому-то, может, покажется не совсем этичным: буквально сразу («Пётр Великий» ещё только мостился у стенки¹ в Североморске) специальная группа «конторы» начала претворять в действие особый план!

...В психлечебницах страны была совершена подборка подходящих душевнобольных, которые подвергались определённым методам воздействия, включая внушение и другие (экспериментальные медикаментозные).

В результате обработки, а процесс мог растянуться на год и более, «объекты» с полной уверенностью выдавали себя за членов экипажа некоего «корабля-призрака», с уже готовыми невероятными, естественно дезинформационными, историями.

Этих людей «позволяли» перехватить агентам ЦРУ.

¹ У стенки, сиречь у причала, пирса.

Но... возвращаясь к слову «политики».

В общем и как бы там ни было Терентьев Николай Николаевич, бывший командир ТАРКР «Пётр Великий», с неотъемлемым, но задвинутым в шкаф вместе с морской формой «капитаном 1-го ранга», принял на себя этот «гражданский портфель» в полной мере.

Впрочем, сколоченная ещё при живом Андропове правительственная (прежде чуть ли не «надправительственная») кризисная группа, «при прочих равных», в большинстве состояла из «людей в погонах», принадлежащих к силовым ведомствам и Министерству обороны, и лишь немногим из партийных функционеров.

Ещё, по необходимости, в той или иной степени в теме были производственники от «оборонки» — руководители ведущих ОКБ¹... и конечно, «технологические винтики» — специалисты-аналитики отдела «Х».

С течением времени члены «кризисной группы» неизбежно «сходили с дистанции» (первым в 1984 году ушёл Андропов), на их место вынужденно выбирались и назначались другие... или не выбирались, поскольку и без того налицо проглядывалась излишняя прогрессия в распространении фигурантов, приобщавшихся к «большому секрету».

В любом случае все они, безотносительно занимаемых постов, разделятся на тех, кто узнает всё... тех, кто получит допуск лишь частично, в рамках своих профессиональных потребностей... и тех, кто так и останется в неведении.

* * *

...Терентьев вдруг снова выпал «из образа», ощутив себя, точно какой-то препод-профессор на заумно-занудной лекции по политэкономии, насилующий уши

¹ ОКБ — опытно-конструкторское бюро, общепринятое сокращение. Или особое (отдельное) конструкторское бюро.

истомлённых абитуриентов, — говорить не хотелось, но и не сказать нельзя.

«Сохранение СССР» было лейтмотивом всех кадровых перестановок в руководстве страны, во всех намеченных структурных, экономических и социальных преобразованиях.

Проблематику он видел как в более широком спектре, так и узко-предметно.

Основная проблема, если уж не беда (как он считал), крылась в базе, самой становой сути страны Советов — коммунистической партии, проводника главной идеи и идеологии.

Фактический государственный строй СССР никак не соответствовал, а то и вовсе противоречил декларированному. Налицо был разрыв между провозглашёнными принципами и практической деятельностью партийного руководства, где полнота власти принадлежала не Советам, а как было помечено Конституцией от 1977 года — «руководящей и направляющей».

Когда-то система удерживалась на Сталине — за некомпетентность и плохую работу вполне можно было отправиться валить лес, либо и вовсе в принятых тогда реалиях — привстать к стенке под дула расстрельной команды.

Хрущёв возвёл партийцев в ранг почти неприкосновенных, утвердив закон, при котором привлечь коммуниста можно было лишь с согласия вышестоящего партийного органа. А как это происходило — известно: «рука руку моет», «своих не сдают»... что согрешившему товарищу и грозило — выговор с переводом на другую должность, порождая тем самым у партийных деятелей полное ощущение безнаказанности и всякое отсутствие ответственности. Мотивы для работы на

блага общества сводились к минимуму, оставляя лишь сугубо шкурные интересы, в итоге превратив советских управленцев в высшую касту, возвышающуюся над остальной чернью. Элиту, которая в большинстве впоследствии и стояла за развалом страны.

Терентьев смотрел на всё на это и воочию, и проводя параллели с постсоветской Россией, с упрямым выводом: ничего в мире не меняется!

Видел в этой заживевшей номенклатурной прослойке обычных бюрократов-чиновников, со всеми признаками коррумпированности, да ещё в гипертрофированной партийно-догматической форме.

Подозревал, что, не сломав этой порочной системы, добиться чего-то реально стоящего не удастся. Объяви о «новом курсе страны, о не к ночи помянутой перестройке», обычные советские люди примут всё на скепсис — у них уже успела выработаться стойкая аллергия на все усталые лозунги партии, на всё проистекающее от обрюзгшего правительства.

И полагал, что планировать следует только то, что поддаётся планированию и реализации — не какой-то там мифический коммунизм, а... хотя бы социальное государство в рамках законной справедливости.

Всё остальное: рынок, банки, кредиты, кооперативы, предприниматели и прочее — следует отдать под саморегулирование при определённых рамочных условиях госконтроля.

Даже само название «Союз Республик» в свете структурного деления страны на губернии теряло актуальность, требуя крайне внимательного и строгого отношения — будет ли сохранена в такой формации устойчивость государства.

Безусловно понимая, что стóбит только единожды попустить и дать кому-то выйти из состава — этот «кар-

точный домик» может посыпаться со всеми вытекающими последствиями гражданской резни.

«Старая гвардия» (а это непосредственно «силовой генсек» Андропов, «кремлёвский концеляр» Черненко, министр иностранных дел Громыко, КГБ — Крючков, ВС¹ — Устинов, включая и всех остальных военных, входящих в «кризисную группу» с полным допуском), даже ознакомившись с неприглядными фактами, очень тяжело принимали мысль о несостоятельности коммунистической идеи. И заикнуться о каком-либо послаблении авторитета КПСС было сродни, чёрт побери, кощунству...

Терентьев как-то при обсуждении видел глаза Черненко — думал, того кондратий схватит.

Впрочем, «старая гвардия», как уже упоминалось, постепенно сходила на «нет» — обложенные венками... кто-то на лафетах орудий... под похоронный оркестр.

Что и было пока взято в работу, так это «чистка» рядов — масштабная, хотя и избирательная, затеянная Крючковым для начала по предателям и по всем тем, кто «засветится» в политическом мародёрстве, переметнувшись на либеральную, прозападную сторону.

Поднимались меры ответственности для правящих элит, также в планах предполагалась отмена «хрущёвских привилегий»... безусловно, конечно (кто бы сомневался).

«Кто бы сомневался, — в непонятных эмоциях повторил Терентьев, — вон тот же Андропов, говорят, чиня дисциплину, не особо рвался лишать чиновников от Компартии номенклатурных благ. Говорят, вычеркнул пункт в какой-то намеченной программе, бросив: „...А как иначе мы их заставим дорожить местом?“

¹ Вооружённые силы.

С одной стороны, верно — стимуляция... Вот только к пряникам всегда должен идти противовесом кнут. В равновесном отношении или даже склоняясь к кнуту, так как если ты носитель партбилета, то с тебя и спрос выше. Разве не так?

Ну-ну... в Китае вроде бы даже смертная казнь для такого вора введена, и один чёрт рискуют, не гнушаясь взятками и другими коррупционными преступлениями.

Верят, что удастся остаться безнаказанными? По всей видимости, так.

А у нас, по российской ментальности — с нашим-то „однова живём“ — так и тем более! Сегодня хапнуть, а завтра трава не расти.

И как тогда с этим бороться?»

Что касается личности живчика Крючкова¹, сопоставив и проанализировав исторические факты, напрашивался осторожный, но очевидный вывод: если в 1982 году генерал значился «верным ленинцем» или просто был не очень-то уверен, то уж ближе к девяностым, очевидно, сам стал понимать, насколько партия себя дискредитировала (уж больно легко «слили» товарищи партбилеты, а КГБ тихо отмолчался в сторонке).

Другое дело, что страну при этом не удержали от развала, скорей, просто не сумев остановить центробежные процессы.

О силовых структурах СССР следовало бы оговориться исключительно.

К восьмидесятым конкурентное противостояние ГРУ и КГБ переросло почти во вражду.

¹ Крючков Владимир Александрович — генерал армии, на момент повествования в деле крейсера-пришельца являлся доверенным лицом Андропова. Назначен на пост председателя КГБ.

Принимая во внимание в том числе и психологические мотивы меряющихся «кто круче» профессионалов, Терентьев видел в этом оппонировании вполне положительные моменты.

Слишком неоднозначную (дурную) репутацию потянул за собой Комитет государственной безопасности, когда «гласность» постперестроечной России позволила вскрыть многие неприглядные факты деятельности «неподкупных» чекистов — начиная со спекуляций ширпотребом и чуть ли не пособничества в развале Союза, а в дальнейшем «крышевания» всех и вся, кто приносил «нал».

О ГРУ ничего такого подобного не упоминалось — тут либо профессиональная сфера разведки имела иное выражение, либо люди оказались более стойкие к соблазнам. А возможно, «сор из избы» остался за порогом.

Сейчас же всё принимало форму нормальной конкуренции, где безраздельное хозяйское доминирование «комитетчиков» разбавлялось пристальной критикой со стороны «гэрэушников». По сути, обе службы и дополняли, и контролировали друг друга, конечно, не без натяжек и нестыковок... И поставленному на перспективу во главу страны Терентьеву порой приходилось буквально лавировать между этими равнозначными силовыми ведомствами. Как, кстати, едва ли не в большей степени держать марку перед вкогтившейся в свои пригретые места партийной номенклатурой.

* * *

Так или иначе, начавшиеся при Андропове преобразования ознаменовались постепенной сменой приоритетов во власти. А после 1985 года, когда «старики» кто ушёл своим ходом, кто с почётом удалился на покой,

решительно вступил в действие механизм перераспределения полномочий на самом верху.

Если на миг представить конструкцию кремлёвского правления как сообщающиеся сосуды, то «властная жидкость» окончательно перетекла от партийного функционера «генсека» к «председательствам»: Совета Министров и Верховного Совета, откуда на сцене исключительным приоритетом появился Глава Правительства СССР (с больших букв) с расширенными полномочиями. Хотя и с коллегиальной поддержкой (и контролем) в лице членов «кризисной группы».

«До названия „президент“ не сподобились, — подумал тогда Терентьев, немало покривясь, — может, потом... сейчас-то не поймут. Впрочем, нам эта „загранишница“ не в тему!»

Хотел сказать «иностраница», но выдал эту «яишницу», что понравилось даже¹.

Неверным было бы думать, что политэлита на местах не взбрыкнула на подобную «мину замедленного действия». Уж что-что, а самые прозорливые «товарищи» сразу узрели в новых веяниях утерю абсолютизма власти.

А подковёрная борьба кремлёвских кланов и группировок всегда имела место быть.

Терентьев взирал на всю «коридорную возню» с равнодушным спокойствием, вобрав в это спокойствие и знания будущего, и уверенность в подкрепе:

— Тьфу на них! Если в своё время верхушка приняла такого мозгляка, как Горбачёв, то нам уж... мне уж... когда за мной стоят такие зубры... уж!

Ко всему эксперты «конторы» в отчётах отметили любопытное наблюдение: начавшиеся по горячим

¹ *От автора.* Это не от безграмотности, а исключительно на произношении: «загранишница» — «яишница».